

НЕОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Поученіе и рѣчи, произнесенныя при гробѣ въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго Дмитрія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго.

Поученіе на заупокойной литургіи въ день погребенія—22-го марта 1908 года, произнесенное священникомъ Пятницной церкви Н. А. Воронцовымъ.

Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

„Помянухъ дни древнія и поучихся... Воздѣхъ къ Тебѣ рущѣ мои... Скоро услыши мя, Господи“... (Псаломъ СХLII, 5. 6. 7).

Насталъ послѣдній день пребыванія среди насъ бездыханнаго тѣла почившаго дорогого Владыки! Въ этотъ священный часъ, когда мы готовимся воздать усопшему послѣднее цѣлованіе, невольно мысль наша возвращается къ незабвеннымъ первымъ часамъ того вечера, когда чистый духъ Святителя отошелъ ко Господу! Вотъ только что совершена была надъ почившимъ первая заупокойная молитва. Священнодѣйствовавшему Архипастырю, ближайшему сотруднику усопшаго, тотчасъ же угодно было поручить нашей немощи сказать вамъ, сиротѣвшія чада Церкви Казанской, въ день погребенія Владыки слово назиданія и утѣшенія. Приемля это послушаніе, невольно мы смущались душой и думали: что можетъ сказать наше слабое, немощное слово,—когда живъ еще среди насъ свѣтлый образъ усопшаго, убѣдительное всякихъ рѣчей поучающій высокимъ добродѣтелямъ глубокой вѣры, неложнаго упованія и чистой Христовой любви? Но вотъ, со смущенной душой покидая святительскіе покои, услышали мы въ сторонѣ священныя слова церковной молитвы. То по обычному порядку совершалось съ вечера Богослуженіе въ Крестовой церкви,—и яснымъ, звучнымъ, голосомъ монашествующій братъ произносилъ уже послѣднія слова шестопсалмія: „Помянухъ дни древнія“, возглашалъ онъ отъ лица псалмопѣвца, „поучихся во

всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ, въ твореніяхъ руку Твоею поучахся. Воздѣхъ къ Тебѣ рущѣ мои... Скоро услыши мя Господи“.... (Псал. СХLII, 5. 6. 7). Невольно вслушались мы въ эти слова, и передъ духовными очами нашими тотчасъ же встала ясная картина того душевнаго состоянія, которое испытываль пророкъ и псалмопѣвецъ, Богомъ избранный и помазанный отецъ своего народа, царь Давидъ, когда изъ устъ его излился этотъ священный псаломъ. А затѣмъ, подъ впечатлѣніемъ только—что пережитыхъ скорбныхъ минутъ, невольно мысль наша обратилась къ почившему Владыкѣ; и дерзновенно подумали мы, что Самъ Господь посылаетъ намъ эти слышанные глаголы, вмѣсто нашего немошнаго человѣческаго слова, какъ лучшее и назидательное для паствы изображеніе духовной жизни усопшаго Архипастыря въ послѣдніе три года.

Вотъ для псалмопѣвца, вождя избраннаго Богомъ народа, наступила смутная, тяжкая пора жизни. Окружавшее его настоящее, теченіе современной ему жизни, было слишкомъ безотраднo. Въ среду его народа, который дотолѣ безраздѣльно любилъ и чтилъ Помазанника Божія, и въ безусловномъ повиновеніи ему достигалъ внѣшняго и внутренняго благосостоянія, вкралось и внѣдрилось пагубное раздѣленіе. Правда, одна часть народа Божія еще нерушимо хранила святые завѣты старины и попрежнему съ сыновнимъ послушаніемъ взирала на своего Владыку; но за то другая рѣшилась возстать противъ него на открытый бунтъ, страшно злословила его и отказалась отъ всякаго подчиненія своему, Богомъ поставленному и помазанному, повелителю. И что особенно было тяжело и грустно святому псалмопѣвцу,—такъ это несомнѣнно то, что во главѣ его противниковъ и нарушителей Богомъ освященнаго строя жизни стоялъ его собственный, возлюбленный сынъ Авессаломъ! Онъ, который долженъ былъ пребывать въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ своего отца и помогать ему вести народъ Божій къ соблюденію святаго закона и чрезъ то къ полному процвѣтанію, не только не облегчалъ царственнаго бремени Давида, но и причинялъ послѣднему множество огорченій. Онъ сѣялъ смуту и раздоръ среди народа, который пошелъ за нимъ по простотѣ своей, не зная, въ чемъ дѣло (2 Цар. XV, 11); онъ старался заслонить своею личностью въ глазахъ народныхъ высокій образъ своего отца и, наконецъ, заставилъ его прямо только бѣгствомъ спа-

саться отъ смертной опасности, угрожавшей ему отъ рукъ безумныхъ послѣдователей его мятежнаго сына. И вотъ въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ гдѣ же нашеть отраду своей измученной душѣ святой псалмопѣвецъ? Онъ— „помянулъ дни древня— и поучился“: отъ мрачнаго вастоящаго онъ обратилъ свой взоръ къ великому прошлому своего народа и здѣсь, несомнѣнно, нашеть себѣ много утѣшенія. Онъ вспомнилъ дивныя дѣла Божіи въ мірѣ, онъ вспомнилъ дивное попеченіе Господа о вѣнцѣ Его твореній—человѣкѣ; онъ помянулъ, что Богъ во всякихъ жизненныхъ скорбяхъ и испытаніяхъ хранитъ избранныхъ Своихъ, какъ зѣницу ока, и самыми страданіями и скорбями, такъ мимолетными и скоропреходящими предъ вѣчностью, возводитъ ихъ къ духовному совершенству. Предъ очами Давида, конечно, прошелъ цѣлый сонмъ древнихъ патріарховъ, судей и иныхъ избранниковъ народа Божія, которые еще въ тѣ далекіе отъ Христа дни лучше захотѣли страдать, нежели имѣть временное, грѣховное наслажденіе, и, взирая на воздаяніе, поношеніе Христово почитали бѣльшимъ для себя богатствомъ, нежели Египетскія сокровища (Евр. XI, 25—26). Помянулъ дни древня скорбящій псалмопѣвецъ, поучился въ нихъ,— и прямиымъ плодомъ такого наученія явилось сначала смиренное примиреніе съ враждой и злобой человѣческой: „оставьте“, говорилъ Давидъ, „пусть злословятъ, можетъ быть, Господь призритъ на униженіе мое и воздастъ мнѣ Господь благостью за теперешнее злословіе“ (2 Цар. XVI, 11—12). И полилась затѣмъ его горячая, усердная, пламенная молитва: „Воздѣхъ къ Тебѣ рудѣ мой.... Скоро услыши мя, Господи.... Слышану сотвори мнѣ завтра милость Твою.... Услыши мя въ правдѣ Твоей“..... То была молитва горячей вѣры въ Бога Промыслителя, Своими мудрыми велѣніями направляющаго ко благу жизнь человѣческую. То была молитва неложнаго упованія, что хотя многи скорби праведнымъ, но отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь (Псал. XXXIII, 20). То была молитва горячей любви къ своему народу, чтобы Господь и въ немъ людей угнетенныхъ спасалъ и взоромъ Своимъ унижалъ надменныхъ (2 Цар. XXII, 28).

И вотъ эта библейская картина душевнаго настроенія святаго псалмопѣвца развѣ не обрисовываетъ яркими чертами и высокій духовный образъ подлежащаго предъ нами почившаго Владыки? Дерзаемъ, не обинуясь, сказать это съ сего

святаго мѣста, не боясь смѣло сравнить почившаго со святымъ пророкомъ; ибо въ эти дни, когда завершился жизненный крестъ нашего Святителя, даже и та часть печати, которая доселѣ враждебно относилась къ нему, единогласно съ его почитателями отмѣтила усопшаго наименованіемъ истиннаго „Человѣка Божія“; и сбылось такимъ образомъ и надъ нимъ Божественное слово Великаго Архіерея: „Когда я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ“ (Іоанна XII, 32). И нынѣ и мы всѣ, объединенные въ чувствѣ глубокаго почтенія къ почившему, развѣ не видимъ и не понимаемъ, въ какое тяжелое и трудное время пришлось ему править Церковію Казанской? Это—время, когда почти повсюду нарушились исконныя добрыя отношенія между архипастырями и паствою, и, подобно смутѣ гражданской, и въ область чисто нравственной, духовной жизни вкрались разныя распри и нестроенія. Предки наши безусловно вѣрили въ высокой авторитетъ и священную силу святительскаго сана и на послушанія ему мудро созидали свое духовное благополучіе, идя за своими архипастырями покорной стопой во спасенію; нынѣ настала иная, скорбная година, когда люди, такъ настойчиво заботясь о всяческихъ свободахъ, захотѣли освободиться отъ подчиненія и высовимъ нравственнымъ авторитетамъ, безумно забывая ту истину, что „имже нѣсть управленія, падаютъ аки листвіе.“ И вотъ съ этой стороны почившій въ три года духовнаго правленія надъ нами, несомнѣнно, много перенесъ скорбей и испытаній. Сколько онъ видѣлъ, и слышалъ, и читалъ насмѣшекъ надъ собой со стороны лицъ, не понимавшихъ его жизненнаго святительскаго подвига! Рѣшимся предъ его гробомъ покаяться до конца! Развѣ не было и среди насъ воистину новыхъ Авессаломовъ, которые, вмѣсто духовной помощи и содѣйствія своему Святителю, лукаво и устно, и печатною рѣчью старались посягать въ паствѣ недовольство своимъ Архипастыремъ, смущая немощную совѣсть малыхъ сихъ и отвлекая еѣ на страну далече отъ повиненія духовнаго своему Владыкѣ? И что же? Смутили всѣ эти скорби и бѣды кроткую и терпѣливую душу нашего Архипастыря? Нѣтъ! Подобно древнему псалмопѣвцу, и онъ смежалъ очи свои на скорбное настоящее нашей жизни и искалъ себѣ отрады и утѣшенія въ свѣтломъ историческомъ прошломъ Церкви Христовой. Отъ дней юныхъ великій и ревностный почитатель христіанской

древности, онъ и въ послѣдніе три года своей жизни съ особымъ умиленіемъ погружался въ священныя воспоминанія высокихъ жизненныхъ подвиговъ святыхъ апостоловъ и мучениковъ, святителей и преподобныхъ. И видно было, что душа его всецѣло живетъ и вращается въ средѣ этихъ, отъ юности дорогихъ и милыхъ для него, образовъ и воспоминаній! Каждое слово назиданія, съ которымъ онъ обращался къ своей паствѣ, непремѣнно заключало въ себѣ поучительный урокъ изъ жизни того или иного христіанскаго подвижника; да и каждая частная душевная бесѣда съ нимъ неволью въ концѣ концовъ завершалась въ той же области. И нужно было видѣть, какимъ особеннымъ, юношескимъ одушевленіемъ и радостію горѣлъ его старческій взоръ, когда снова приходилось ему касаться дорогого предмета и излагать предъ внимательными слушателями любимое имъ житіе и подвиги какаго-либо христіанскаго святого! И эта „несытая любовь души“ наслаждаться священными воспоминаніями христіанской древности не покинула его и до конца жизни; ибо и предсмертныя свои страданія онъ постоянно облегчалъ денно-нощнымъ слушаніемъ священныхъ Четь-Миней. И вотъ, чрезъ такое непрерывное воспоминаніе дней древнихъ и поученіе въ нихъ, и въ почившемъ, подобно библейскому псалмопѣвцу, создалось мудро-терпѣливое отношеніе къ окружающей жизни съ ея скорбями и неустанное пребываніе въ святомъ молитвенномъ подвигѣ. Онъ не гнѣвался и старался не давать мѣста законному негодованію на тѣхъ, кто порочилъ его святительское имя; онъ не боролся отвѣтнымъ печатнымъ словомъ съ людскою клеветой и злобой; нѣтъ, весь онъ ушелъ въ горячую, неустанную, умиленную молитву! На всякое время и на всякій часъ мы видѣли его молебнo воздѣвающимъ къ Богу свои святительскія руки; и никогда еще въ прежніе годы градъ нашъ не былъ очевидцемъ столь частыхъ и умиленныхъ, торжественныхъ святительскихъ служеній! Не нашему слабому слову напоминать вамъ всѣмъ о томъ, какъ радовалъ и умилялъ Владыка своей неустанной архипастырской молитвой сердца благочестивыхъ богомольцевъ. Конечно, всѣ вы испытали это на себѣ, да и слышали о томъ два дня тому назадъ вдохновенное слово почтеннаго настоятеля сего святаго храма, срътавшаго послѣднее торжественное вшествіе Владыки въ эти священныя стѣны ¹⁾.

¹⁾ См. печатаемую ниже рѣчь кафедральнаго прот. о. Яблокова.

Мы же не скроемъ только того, какъ не разъ лично слышали изъ устъ почившаго откровенное признаніе, что только чтеніе житій святыхъ и постоянная молитва облегчаетъ его нелегкій архипастырскій подвигъ. „Вотъ, когда считаешь эту гору жалобъ“, говорилъ Владыка, „и выслушаешь множество всевозможныхъ дразгъ,—то страшно тяжело становится на сердцѣ; чтобы отдохнуть,—помолишься, отслужишь литургію, да считаешь житія святыхъ,—и снова съ обновленными силами и успокоенной душой берешься за дѣло“. И мы воочию видѣли, что кроткимъ смиреніемъ и силою молитвы своей, вдохновленной примѣрами древнихъ христіанскихъ подвижниковъ, Владыка воистину побѣждалъ и недруговъ своихъ, невольно заставляя и ихъ кротко смиряться предъ его чистой святительской душой.....

Да, при жизни почившаго мы мало цѣнили эти особенности его архипастырскаго подвига! Мы склонны были скорѣе обвинять его, что онъ не принимаетъ реального, дѣятельнаго участія въ животрепещущихъ вопросахъ и интересахъ современной жизни; мы даже прямо осуждали его за то, что онъ, въ свободные отъ молитвы часы, живетъ только *прошлымъ*, а не *настоящимъ*. Но вотъ Самъ Господь рѣдкой христіанской кончиной усопшаго Владыки показалъ намъ, что суетень нашъ судъ человѣческій, и что угоденъ былъ предъ очами Божиими жизненный подвигъ почившаго Святителя. Вотъ, за какія-нибудь двѣ седмицы до кончины, онъ въ этихъ же священныхъ стѣнахъ совершилъ послѣднюю торжественную службу и вслухъ всей паствы своей исповѣдалъ вѣрность свою святымъ началамъ православія и христіанской жизни. Вотъ и двѣнадцатидневную болѣзнь онъ переносилъ съ мужествомъ и терпѣніемъ истиннаго христіанина, подкрѣпивъ свою душу покаяніемъ, троекратнымъ Причащеніемъ и святымъ Елеопомазаніемъ. Вотъ, до послѣднихъ минутъ не теряя сознанія, онъ простился и примирился со всѣми, съ кѣмъ у него была хотя бы только тѣнь недобрыхъ отношеній, и благословилъ всѣхъ своихъ добрыхъ почитателей. Вотъ, въ предсмертныя минуты, слушая изъ устъ своего Преосвященнаго сотрудника слова напутственнаго канона, онъ самъ уже холодѣющими устами произносилъ слова молитвенныхъ возгласовъ и, какъ поистинѣ Человѣкъ Божій, отошелъ ко Господу въ день памяти святаго Алексія, Человѣка Божія, и преподобнаго Макарія, Калязинскаго Чудо-

творца, особенно близкаго и роднаго для Владыки по Тверскимъ воспоминаніямъ. Вотъ, наконецъ, и бездыханное тѣло его предлежало предъ нашими очами во всю четвертую великопостную седмицу, вмѣстѣ съ изнесеннымъ для поклоненія Животворящимъ Крестомъ Христовымъ,—какъ назидательное указаніе на то, что и въ наши дни человѣкъ можетъ и долженъ быть истиннымъ крестоносцемъ по духу Христову.

Преклонимся же, добрыя чада Церкви Казанской, предъ гробомъ нашего Архипастыря и отъ его жизненнаго креста воспримемъ и для себя наученіе доброму пути жизни. Въ наши дни всесторонняго обновленія мы легкомысленно стремимся порывать связь со всѣмъ нашимъ добрымъ историческимъ прошлымъ,—и слышатся даже отъ тѣхъ изъ насъ, кто еще не доросъ до пониманія смысла жизни, дикіе вопли, безумно призывающіе отречься отъ стараго міра и отрясти прахъ его съ нашихъ ногъ, такъ заградимъ же нынѣ свои уста и поучимся у этого гроба высокой любви и глубокому уваженію къ священной старинѣ! Мы много толкуемъ о своихъ правахъ и преимуществахъ, о достоинствѣ человѣческой личности и многообразныхъ свободахъ: такъ поучимся же у этого гроба незлобію, кротости и смиренію! Мы много заботимся теперь о благоустройствѣ своей внѣшней жизни, надѣясь только на собственные силы, и забываемъ о Верховномъ Подателѣ всѣхъ благъ: такъ поучимся же у этого гроба неустанной, святой, христіанской молитвѣ! И вмѣстѣ съ молитвой объ упокоеніи души почившаго Архипастыря въ селеніяхъ праведныхъ, да вознесетъ каждый изъ насъ усердныя молитвы и о вразумленіи своей грѣшной души и объ обращеніи ея на правый, добрый путь жизни.

„Скажи мнѣ, Господи, путь, въ оныя же пойду,“ ибо только „Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву“ (Псал. CXLII, 8. 10)! Аминь.
